УДК 028.6 + 028.02 + 159.923.2

М. Ю. Гудова

МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЧТЕНИИ

Рассматривается проблема многообразия форм художественного общения в современном опыте чтения. В культурологической методологии устанавливаются взаимосвязи между различными способами самоопределения личности читателя и формами художественного общения, существующими в модернистской, массовой и сетевой литературе. Делается вывод, что современный читатель волен выбирать форму художественного диалога в зависимости от стоящих перед ним задач самоопределения.

Ключевые слова: художественное общение; чтение-общение; чтение-наставничество; чтение-ученичество; приобщение к социальной группе; самоопределение читателя.

Современное чтение — это сложное социокультурное явление, в котором одновременно существуют не только разные тексты, авторы, цели, техники и читательские идентичности, формируемые в процессе чтения, но и разные формы художественного общения, становящиеся в процессе непосредственного взаимодействия читателя с классическим, модернистским или современным мультимедийным текстом. Рассмотрим последовательно, как накапливались в истории чтения различные формы художественного общения, сосуществующие в современной культуре, и как происходили изменения в форме художественного общения в зависимости от потребностей читателя в самоопределении.

Классическое книжное чтение — одна из наиболее важных примет старого мира классической культуры. Этот мир был «миром авторитетов: лидеров, знающих все лучше остальных, и учителей, указывающих вам, как лучше делать то, что вы делаете» [Бауман, с. 71]. В классической литературе авторитет принадлежал автору-писателю. Наставничество и учительство писателя и одновременно ученичество читателя осуществлялись в классической форме художественного общения — интерсубъективного ментального взаимодействия посредством художественного текста. В текстах классической литературы авторы-писатели сообщали о том, как надо жить. Читатели классической литературы вычитывали из книг наставления и поучения. Книга в классическом чтении и художественном общении воспринималась как учебник жизни. Все это укладывалось в просветительскую парадигму существования литературы и чтения.

Классическая литература отличалась наставительно-монологическим характером повествования, и первый, кто рискнул разрушить эту традицию в русской литературе — основоположник идеологического, полифонического, экзистенциального романа Ф. М. Достоевский — оказывается основоположником и русской модернистской литературы, и одним из немногих писателей XIX в., «современным» и читаемым в наши дни.

© Гудова М. Ю., 2014

Перечисляя отличительные черты современности, З. Бауман отмечает, что «современность заменяет гетерономное определение социального положения обязательным самоопределением» [Бауман, с. 39]. Одним из первых литераторов, воплотивших эту социальную коллизию, был Ф. М. Достоевский, а героями, которые попробовали осуществить самоопределение хотя бы и в рамках заданного социального положения, были и князь Мышкин, и студент Раскольников, и Соня Мармеладова, и Иван Карамазов. Несмотря на то, что необходимость самоопределения вместо занятия определенного социального положения «разделяет соседние поколения людей так же, как различные категории личностей в течение одного исторического периода» [Бауман, с. 40], между тем интерес к чтению, пере-чтению и современным формам визуализации чтения — экранизациям романов Ф. М. Достоевского — сохраняется. Очевидно, что первый опыт социального самоопределения предшественников является для наших современников сохранившим важность и содержательность духовной стороны проблемы.

Актуальность произведений Ф. М. Достоевского для современного репертуара чтения подчеркивает, что если в монологической книжной культуре писатель авторитетно повествовал о том, как протекает жизнь и какие способы самоопределения и самоидентификации возможны, то с определенного момента в истории литературы и чтения читатели стали отдавать предпочтение чтению не монолога авторитета о том, как нужно жить, а чтению-пониманию и чтению-проживанию полифонического многообразия проявлений жизни в одной и той же жизненной ситуации, рассматривать, визуально воспринимать примеры решения жизненных проблем в «текучем» мире, анализировать допущенные ошибки и отмечать положительные и полезные примеры и действия.

Такой интерес к полифоническому, свободному повествованию, по мнению З. Баумана, определяется характером стоящих перед современным человеком жизненных проблем — «природа их такова, что они могут быть решены только самим человеком, вопрошающие нуждаются (или думают, что нуждаются) в примере, как другие люди решают подобные проблемы» [Бауман, с. 73] и они хотят, чтобы этот пример был наглядным. Нужно отметить, что эти идеи З. Баумана очень близки объяснительным идеям М. М. Бахтина, который связывал полифоническую форму романов Ф. М. Достоевского с «динамическим» характером социальной реальности конца XIX в. [Бахтин, с. 5].

Процессы преодоления устоявшихся форм существования старого мира классической культуры глубинным образом затронули не только способы существования авторитетов (полифонический взамен монологического), но и формы художественного общения. Классическое художественное чтение — это квазиобщение, которое расширяет мир квазиперсонажей [Каган, с. 238]. Преимущество художественного чтения перед чтением других источников информации состоит в том, что это художественное общение, т. е. «взаимное отражение, смотрящихся друг в друга, как в зеркала, субъектов» [Каган, с. 241]. Художественное общение устанавливает долговременные диалогические отношения, формирует устойчивые литературные интересы и вкус. Одновременно художественное чтение не способствует постоянному обновлению мимолетных, но разнообразных социальных знакомств и отношений, как того требует «текучая» и «легкая» современность.

Более динамичной и открытой социальным проблемам актуальной современности формой художественного общения является чтение массовой литературы. Сюжеты, язык и форма произведений массовой литературы постоянно трансформируются, удерживая внимание читающей публики. Массовая литература повествует в жанровой прозе о жизни «наших современников», «наших соседей» [Липовецкий, с. 358]. Она дает образцы поведения в различных жизненных ситуациях. Массовая литература вырабатывает поведенческие модели, которым можно следовать, а можно ими пренебрегать или над ними можно посмеяться. Поведенческие модели массовой литературы обладают силой примера, а не авторитета.

Большое количество современных авторитетных литературоведов пишут, что родоначальником и ярким примером нового типа художественного диалога в массовой русской литературе XX в. может быть назван С. Довлатов и его «новая автобиографическая проза» [Липовецкий, с. 24]. Идея рассматривать С. Довлатова в качестве автора массовой литературы, читаемого и любимого широкой публикой как в России, так и за рубежом, принадлежит А. Генису. Эта идея касается не только социологии чтения рассказов и повестей С. Довлатова, но прежде всего эстетики и поэтики его текстов, позволяющих отнести его произведения к массовой литературе, а характер внутритекстового диалога — к новому типу диалога, отличающего массовую литературу от классической.

Отличает прозу С. Довлатова удивительная художественная интонация. Это интонация доверительного рассказа, отшлифованного многими повторениями текста сначала в устной форме, а затем закреплением его в форме письменной. Особенность такой работы над формой отмечали многие современники и соучастники довлатовской творческой кухни.

К примеру, И. Бродский считал, что рассказы С. Довлатова написаны как стихотворения, сгущая реальность и заставляя ее жить по законам, отменяющим пространство и время, структуру и иерархию [Генис], по законам поэтического ритма.

Интонация мягкого юмора, выявляющего и констатирующего ситуацию абсурдности бытия в довлатовской прозе, выстраивалась благодаря «взрывному сопряжению абсолютной убедительности и самодостаточности присутствия смысла и неизменной и неизбежной иллюзорности, фиктивности и абсурдности его реализации» [Липовецкий, с. 277]. Прежде всего, он смеялся над собой — героем рассказов и повестей, — над тем, в какие ситуации попадал как герой и как «псевдогероически» находил из них выход.

Интонация Довлатова — и в этом сходятся многие литературоведы — это интонация как раз лишенная претензии, «сословной спеси» и нравоучительности классического автора, она воплощала ситуацию самобичевания, намеренного поиска и выявления парадокса в собственном жизненном опыте. Растворение автора в доверительном и демократичном по форме обращения к читателю тексте было сознательно искомой авторской позицией писателя по отношению к своему читателю. Как пишет А. Генис, «Сергей любил жить среди своих героев, чтобы смотреть на них не сверху, а прямо, желательно — в лицо. Камерность нравилась Довлатову, ибо она позволяла автору смешаться с персонажами... Сергей

тщательно следил за тем, чтобы не стать выше читателя. Как никто другой, он понимал выигрышность такой позиции» [Генис]. М. Липовецкий также развивает мысль о том, что диалог читателя и героя как добрых соседей был творческой находкой С. Довлатова. Этот писатель тщательно выстраивает интонацию «своего парня», соседа, старого знакомого, для чего «использует собственную биографию в качестве материала для многовариантного литературного текста» [Липовецкий, с. 358]. Все это сделало Сергея Довлатова тем автором, о котором мы можем с уверенностью утверждать, что он показал пример новых взаимоотношений между автором и читателем и создал новую форму художественного диалога в чтении массовой литературы.

Вместе с тем, переход от наследования «социального положения» к «самоидентификации» и «социальному конструированию» требует от нашего современника вынужденного «присоединения» к тем социальным группам, в которых он намерен состоять, «и членство должно постоянно возобновляться, подтверждаться и проверяться в повседневном поведении» [Бауман, с. 40]. Потому чтение становится особенно востребованной практикой для социальных групп, занятых самоопределением, и в тех формах и сферах, где можно получить информацию об актуально существующих авторитетных социальных группах и их характеристиках. В этом случае чтение оказывается востребованным не только в художественном, книжном, пусть даже и «массовом» варианте, а в его мобильном варианте, когда предметом чтения становятся не художественные тексты, а тексты, размещаемые в социальных сетях, сетевые дневники — блоги, дискуссионные интернет-форумы.

В качестве репрезентативного примера одной из самых интересных для исследования форм современного художественного общения мы приведем блог известного уральского писателя, драматурга, режиссера и педагога Н. Коляды.

Блог Н. Коляды — это сложно организованный гипертекст, который сочетает лирические записки — мечты и воспоминания, размышления, благодарности, соболезнования с фотоотчетами о гастрольных или фестивальных поездках Н. Коляды и его театра, выдержки из рецензий критиков, видеозаписи фрагментов спектаклей, активные гиперссылки на публикации о театре Н. Коляды и анонсы его спектаклей в различных городах России и Европы, и мн. др.

В своем блоге Н. Коляда общается со своими читателями таким образом, что блог интересен и любителю творчества Н. Коляды, и специалисту-искусствоведу. Материалы блога Н. Коляды обновляются неоднократно в течение дня и позволяют каждому читателю почувствовать живую жизнь творческой лаборатории большого художника, испытать ощущение совместного проживания судьбы тех проектов, реализацией которых занят Н. Коляда и переживание за судьбу которых художник делает общим со своими читателями. Вовлекая читателей блога в переживание замысла, значимости и сложностей реализации проектов, Н. Коляда вводит читателей в орбиту жизни своего театра, позволяет им идентифицироваться как знатокам творчества Н. Коляды и добрым друзьям его театра.

На примере блога Н. Коляды мы видим, что мобильное чтение — это новый не-классический исторический тип чтения, это чтение — присутствие в социальных сетях, постоянное сиюминутное интернет-общение с реальными людьми,

поддержка и разделение их мнений и забот, постоянное обращение к жизненным примерам: куда пойти развлечься, где отдохнуть, куда пойти на совместное мероприятие со своей социальной группой, что можно посетить по сети, с кем обменяться своим мнением — все это создает для виртуального участника группы иллюзию реальной включенности в многообразные и эффективные социальные связи и отношения.

Постоянно находясь в раздвоенном состоянии одновременного бытия в социальном и виртуальном мире, современный человек, по мнению З. Баумана, предпочитает закрывать глаза на специфические сложности окружающей его реальности и сохранять всеми силами свою безмятежность. Понимание ситуации раздвоенности современного бытия является травматичным, в то время как неведение является успокоительным. Отсюда главная поведенческая установка «текучей» современности — «не беспокоить» [Бауман, с. 50] и не беспокоиться. Современные читатели отказываются от тех процедур художественного общения, которые приводили бы к осознанию усложнившейся картины бытия. Современные читатели отказываются от традиционных в классической культуре процедур художественного общения, когда воображаемое общение с героем произведения оказывается диалогическим актом самопознания — сосредоточенного и уединенного классического чтения «про себя». Современные читатели предпочитают новые практики чтения — виртуального общения, из которых уходит самопознание как самопроблематизация и самовопрошание, но утверждаются чтение «про других» и виртуальная социальная общность с «другими».

Следовательно, классическое чтение мы можем назвать «чтением для себя», «чтением про себя», и «общением через текст с самим собой», а современное мобильное чтение в социальных сетях мы называем «чтением для других», «чтением про других», и «общением через текст с другими».

Мобильное чтение интернет-текстов из социальных сетей, виртуальных сетевых дневников — блогов, переписки и полемики на форумах — это виртуальное общение с виртуальными собеседниками, которые принципиально остаются анонимными, закрытыми «никами» и «аватарами», но индексирующими социальные общности, идентификация с которыми для интернет-читателя является социально значимой и необходимой [Иванов]. Идентифицируясь именно с ними, интернет-читатель получает причастность к определенной социальной группе, защищенность и пищу для ума. Он познает в этом общении других и формирует свое социальное «я», которое репрезентирует посредством «ника», «аватара» и «комментария» о Другом.

В результате проделанной работы мы видим, что современный читатель волен выбирать произведение для чтения в зависимости от формы художественного общения и от желаемого типа творческого поведения читателя. Каждая форма художественного общения задает особый тип поведения читателя: читатель-ученик в художественном общении при чтении классической литературы, читатель-сосед при чтении массовой литературы, читатель-друг при чтении сетевой литературы. Читатель выбирает произведение классической литературы, если желает чтения-наставления и чтения-ученичества. Чтение массовой литературы выбирается в том случае, если читатель настроен на чтение — общение с соседями

и друзьями. Чтение — приобщение к своей социальной группе вынуждает читателя находиться в постоянном сетевом взаимодействии с друзьями из своей социальной группы. Таким образом, приступая к процессу чтения, читатель выбирает то или иное произведение, ориентируясь на форму художественного общения в зависимости от задач самоопределения, стоящих перед личностью читателя в современной культуре.

Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. 240 с. [Bauman Z. Tekuchaja sovremennost'. SPb., 2008. 240 s.]

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 2007. 608 с. [Bahtin M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo. M., 2007. 608 s.]

Генис А. Довлатов и его окрестности [Электронный ресурс]. URL: http://thelib.ru/books/genis_aleksandr/dovlatov_i_okrestnosti-read-10.html (дата обращения: 15.07.2014). [Genis A. Dovlatov i ego okrestnosti [Electronic resource]. URL: http://thelib.ru/books/genis_aleksandr/dovlatov_i_okrestnosti-read-10.html (mode of access: 15.07.2014).]

Иванов В. Е. Интернет в формировании диалогического пространства в социокультурной среде // Мир психологии. 2000. № 2. С. 52–56. [Ivanov V. E. Internet v formirovanii dialogicheskogo prostranstva v sociokul'turnoj srede // Mir psihologii. 2000. № 2. S. 52–56.]

Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988. 319 с. [Kagan M. S. Mir obshhenija: Problema mezhsub''ektnyh otnoshenij. M., 1988. 319 s.]

Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М., 2008. 848 с. [Lipoveckij M. Paralogii: Transformacii (post)modernistskogo diskursa v russkoj kul'ture 1920–2000-h godov. M., 2008. 848 s.]

Статья поступила в редакцию 28.07.2014 г.